

Глава 5. Если хватит духу

Нин Сянлан и Фу Мянью проворно соорудили из камней небольшой очаг, разложили специи и выжидающе уставились на Фу Чжэнтяня умоляющими, голодными глазами, словно птенцы, ждущие корма.

Фу Чжэнтянь вздохнул и, смирившись со своей участью, взял на себя нелегкую обязанность добытчика.

Выловив штук шесть-семь, он обернулся и увидел, что Сяо Лан и Сяо Мянью уже вооружились железными вертелами, собираясь насадить добычу.

Некоторое время он молча созерцал эту картину, а затем спросил:

— Вы что, прямо так на огонь их бросите?

Фу Мянью удивленно захлопал глазами:

— Ну да. А как еще?

Нин Сянлан, конечно, прекрасно понимал, насколько это неразумно. И все же он подыграл приятелю и с точно таким же невинным видом спросил:

— Ну да, а как еще?

Фу Чжэнтянь лишь промолчал. Он вдруг со всей отчетливостью осознал: стоит лишь раз уступить, как на твои плечи взвалится вся работа.

Фу Чжэнтянь подозвал мальчишек к ручью, чтобы заняться чисткой. Ножа у Нин Сянлана при себе не оказалось, поэтому пришлось импровизировать — искать на берегу острые осколки фарфора. Разумеется, для такой кропотливой и грязной работы изнеженные дети не годились. Они просто уселись рядом на корточки, завороченно наблюдая, как ловко Фу Чжэнтянь счищает чешую и вынимает внутренности, оставив себе лишь самую простую задачу — споласкивать готовую тушку.

Закончив с потрошением, Фу Чжэнтянь поморщился от резкого запаха тины и рыбы. Он тщательно, несколько раз вымыл руки в ледяной воде ручья и только после этого повел притихших помощников обратно к очагу.

Разумеется, разводить огонь тоже пришлось ему. И пусть «племянник» вместе с Нин Сянланом прыгали вокруг с восторженными криками, выражая крайнюю степень обожания, Фу Чжэнтянь чувствовал себя обманутым.

Какая муха его укусила? Зачем он вообще согласился жарить рыбу с этой мелюзгой, да еще и делать за них почти всю работу?

Он разложил тушки над углями и принялся неторопливо их переворачивать, искоса поглядывая на своих спутников.

У Сяо Мянэ отродясь не водилось друзей — он вечно ныл, жаловался на судьбу и изводил всех унынием, а кому из детей понравится такой зануда? Удивительно, но с этим мальчишкой из семьи Нин они сошлись на редкость легко. Всего два дня в Хуцзявани, а племянник заметно приободрился.

Фу Чжэнтянь скользнул взглядом по Сяо Мянэ, но почти сразу перевел внимание на Нин Сянлана. Его племянник в кулинарных делах оказался на редкость неуклюж: щеки, шея и руки у него уже были измазаны сажей, отчего он выглядел довольно комично. Зато маленький Сянлан умудрялся сохранять поразительную чистоту. Если не считать ладоней, он оставался все таким же опрятным, белокожим и нежным, напоминая изящную статуэтку из лучшего белого фарфора, какой только обжигали в их печах.

К тому же Нин Сянлан управлялся с вертелом куда увереннее своего неуклюжего товарища. Он не только следил за своей рыбой, но и успевал раздавать ценные указания:

— Там, где кости крупнее, сыпь побольше соли, так шкурка не обуглится. И когда угли разгорятся, не подноси рыбу слишком близко к пламени!

Сяо Мянэ усердно кивал, сосредоточенно посыпая солью полусырую тушку.

Фу Чжэнтянь прежде не вдавался в такие тонкости кулинарии, поэтому невольно прислушался и повторил за мальчишкой. Но стоило ему перевернуть свой вертел, как движения его замерли.

"Указания?"

Он прищурился, пристально вглядываясь в Нин Сянлана.

Если этот мелкий притащил с собой полный набор специй и очаг, он просто не мог не знать, как потрошить рыбу. А значит, вся его восторженность и благоговейный трепет перед «старшим» были... чистой воды притворством?

Фу Чжэнтянь никогда не страдал самонадеянностью и не считал себя единственным умником на свете. Спокойно посмотрев на мальчика еще секунду, он перевел взгляд обратно на угли.

"Прикидываться простаком вечно невозможно. Рано или поздно станет ясно, кто скрывается под этой овечьей шкуркой — хитрый лис или обычный ребенок".

Нин Сянлан и не подозревал, что за ним уже всюду ведут наблюдение. Посмотрев на свои измазанные в саже пальцы, он почувствовал, как в груди просыпается каверзный бесёнок. Взглянув на сосредоточенное лицо Фу Чжэнтяня, он вдруг заговорщически прошептал:

— Эй, у тебя тут щека в саже...

Фу Чжэнтянь повернул к нему голову.

Внутри у Нин Сянлана все ликовало. С самым серьезным видом он потянулся к лицу старшего и принялся усердно тереть его щеки — сначала одну, потом другую, тщательно размазывая черноту. Закончив этот шедевр маскировки, он с трудом подавил торжествующий смешок и солидно произнес:

— Вот, теперь порядок. Все стер.

Фу Чжэнтянь пару секунд молча смотрел на его черную от сажи ладонь, после чего невозмутимо кивнул:

— Спасибо.

Сердце у проказника дрогнуло. Пусть Фу Чжэнтянь сейчас был совсем мал, злить его все равно не стоило — этот характер давал о себе знать с ранних лет.

Спешно нацепив маску полнейшего хладнокровия, Нин Сянлан повернулся к застывшему от изумления Сяо Мянью:

— Так, теперь перец. Сыпь совсем чуть-чуть!

Сяо Мянью все еще пребывал в глубоком шоке от того, как легко его новый друг разукрасил лицо грозного кузена. От неожиданности он растерялся и принялся щедро сыпать специю прямо на рыбу.

Фу Чжэнтянь перевел тяжелый взгляд на предавшего его «племянника», который даже не подумал предупредить его о шалости, и вкрадчиво заметил:

— Переборщил.

Сяо Мянью вздрогнул всем телом, с тоской глядя на свою рыбу, которая теперь больше напоминала ежа в панцире из черного перца.

— Все, что приготовил сам, обязан съесть до последнего кусочка, — припечатал Фу Чжэнтянь.

Сяо Мянью едва не расплакался.

Но Нин Сянлан проявил настоящую мужскую солидарность:

— Да ладно тебе, не дрейфь! Если не осилишь, я помогу.

Племянник посмотрел на него со священным трепетом и благодарностью.

Фу Чжэнтянь невольно усмехнулся, глядя на эту парочку. Он не стал вытирать лицо, решив подыграть мальчишкам, и уселся поудобнее у костра.

Рыбешки были мелкими, так что на углях они дошли до готовности за считанные минуты. Благодаря ценным советам Нин Сянлана, выглядело угощение великолепно: надрезанные бока аппетитно шипели, источая густой аромат, а золотистая корочка так и манила откусить кусочек.

Сяо Мянью от восторга позабыл всякий страх перед грозным кузеном:

— Пахнет просто невероятно!

— Ну так снимай пробу, — заулыбался Нин Сянлан.

Усевшись на плоских камнях, мальчишки принялись уплетать добычу. Собственноручно приготовленная еда на свежем воздухе казалась им вкуснее любых ресторанных изысков.

Когда от рыбы остались одни скелеты, Фу Чжэнтянь залил угли водой и направился к ручью умываться.

Нин Сянлан заерзал. Понимая, что расплата близка, он то и дело шептался с Сяо Мянью, пытаясь угадать, сильно ли припекло старшего. В конце концов совесть взяла верх, и он робко подошел к ручью:

— Послушай... я же просто пошутил, ты не злишься?

Заметив его испуг, Фу Чжэнтянь мысленно улыбнулся.

"Все-таки он еще совсем ребенок".

— Это у тебя лицо грязное, — спокойно ответил он и, протянув руку, бережно стер пятнышко сажи со щеки мальчика. — И не забывай: рану на руке мочить нельзя.

Нин Сянлану, в чьем теле жила вполне взрослая и битая жизнью душа, сделалось неловко от такой заботы.

— Помню я, — буркнул он, пряча глаза.

Пока он предавался смущению, его внимание привлек глухой гудок у пристани — к берегу причаливал пассажирский теплоход.

Поскольку речной транспорт для хрупкого фарфора обходился гораздо дешевле и безопаснее сухопутного, пристань в Хуцзявани никогда не пустовала. Нин Сянлан прищурился и среди толпы пассажиров, сходящих по трапу на берег, вдруг разглядел две до боли знакомые фигуры: своего отца Нин Аньго и второго дядю Ху Каймина!

В мгновение ока позабыв и про Фу Чжэнтяня, и про Сяо Мяня, он сорвался с места и во весь опор помчался к причалу.

В прошлой жизни именно отец и дядя были для него незыблемой опорой. Когда отец безвременно скончался, Сянлан надолго погрузился во тьму, и только забота второго дяди помогла ему выкарабкаться из этой бездны. Позже дядя полностью посвятил себя возрождению былой славы Хуцзявани, а сам Сянлан погряз в бесконечной работе в городе. Они виделись все реже, но связь между ними никогда не ослабевала.

Какое же это счастье — снова видеть их живыми, здоровыми и полными сил!

С трудом переводя дыхание, он подбежал к мужчинам и с разбегу прыгнул к ним на руки.

Шестилетний ребенок — ноша невеликая. Нин Аньго и Ху Каймин легко подхватили его.

— Ого, Сяо Лан! — рассмеялся дядя Ху. — Неужели ты так сильно рад моему приезду?

Мальчик крепко обнял их за шеи и, ничуть не смущаясь, звонко выпалил:

— Конечно рад! Я безумно соскучился по тебе, дядя!

Нин Аньго притворно насупился:

— А про отца, значит, позабыл?

— И по папе тоже соскучился! — Сянлан тут же переключился на отца, крепко прижавшись к его плечу.

Нин Аньго тепло улыбнулся и ласково взъерошил сыну волосы:

— Папа знает, как тебе пришлось несладко в том доме. Ничего, сынок. Теперь мы будем ездить туда как можно реже.

Мальчик изо всех сил закивал.

Его отец был выдающимся человеком. Без какой-либо поддержки со стороны влиятельных родственников он сумел пробиться на самый верх, заняв пост заместителя директора Первого производственного завода Сичжоу и став самым молодым членом правления Ассоциации производственной промышленности Сичжоу.

Разумеется, он прекрасно видел, как к нему относится родня со стороны Нин. Поездка матери якобы «навещать больного дедушку» была чистой глупостью. Там никто не ждал их с распростертыми объятиями — старикам требовались исключительно деньги на «лечение», которые те беззастенчиво тянули из сына.

Эта потребительская позиция проявилась еще в те годы, когда отец учился в средней школе. Из всех детей он был самым одаренным, но именно его родители заставили бросить учебу и пойти работать. Причина была циничной до безумия: «Раз ты такой сообразительный, быстро найдешь теплое местечко и сможешь обеспечивать младших братьев и сестер».

В то время отец, будучи почтительным сыном, безропотно согласился. Однако спустя пару лет грянул гром: выяснилось, что его второй дядя, Нин Цзяньбинь, вовсе не был родным сыном семьи Нин! Стоило парню поступить в старшую школу, как его разыскали настоящие, весьма состоятельные родители и забрали к себе.

Казалось бы, правда вскрылась, но отношение стариков Нин к его отцу ничуть не изменилось. Они продолжали пылинки сдувать со своих остальных детей, полностью игнорируя старшего сына.

Осознав, что для приемных родителей он значит меньше, чем даже чужой по крови «брат», отец окончательно охладел. Он перестал навещать отчий дом, ограничиваясь лишь регулярными денежными переводами.

В своей первой жизни Нин Сянлан никак не мог взять в толк, почему дедушка с бабушкой так люто ненавидят их семью и почему на Хуцзявань обрушилось столько несчастий. Лишь много лет спустя страшная тайна вышла наружу.

Неродным сыном в семье Нин был вовсе не его второй дядя. Приемным ребенком был его собственный отец!

Нин Сянлан крепче обхватил отца за шею, словно пытаясь защитить его от всех былых и

будущих невзгод.

У Нин Аньго теперь были они с матерью. А эти так называемые родственники... пусть катятся к чертям! Все эти годы они приносили отцу лишь боль и разочарование.

В своей прошлой жизни, оставшись у разбитого корыта, Сянлан умудрился с колен поднять Хуцзявань. Сейчас же, с багажом будущих знаний, его возможности были безграничны.

Ему не было дела до грязных интриг и тайн чужих благородных семейств. Но если кто-то посмеет вновь протянуть свои грязные руки к его близким — пощады не будет.

<http://bllate.org/book/20435/2130848>